

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 1 (091) + 101.1 + 81.1

А. Ю. Моисеева

РЕЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД К ЗНАЧЕНИЮ И СОДЕРЖАНИЮ В СИТУАЦИОННОЙ СЕМАНТИКЕ

В статье дается очерк одной из теорий значения, а именно ситуационной семантики в ее оригинальной версии, разработанной Дж. Барвайзом и Дж. Перри. Выделяются основные принципы, на которых построена эта теория, рассматриваются ее приложения к анализу значения высказываний с контекстно-зависимым и контекстно-независимым значением, а также к анализу содержания интенциональных состояний и значения отчетов о них на примере отчетов о верах. Делается вывод о том, что реализуемый в этой теории реляционный подход к значению и содержанию дает больше возможностей для выражения различных видов значения по сравнению с классическим подходом и позволяет выходить на проблемы смежных дисциплин.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ситуация, значение, содержание, ограничение, семантика отчетов о верах, загадка Фреге.

Ситуационной семантикой называется теория, первая версия которой была предложена в виде короткого очерка математиком Дж. Барвайзом и доведена им до законченного вида совместно с философом Дж. Перри. Она изложена сначала в статье Барвайза и Перри «Ситуации и отношения» (Situations and Attitudes) [2], а потом в их книге с таким же названием [1]. Последняя и послужила основным источником для настоящей статьи.

Ситуационная семантика имеет три главные отличительные черты. Во-первых, это теория значения выражений естественного языка, то есть языка как средства обыденного общения. Языки специализированной коммуникации (скажем, язык математики), искусственные и формальные языки рассматриваются ею лишь эпизодически, в связи с некоторыми особыми задачами. Во-вторых, ситуационная семантика базируется на сугубо экстенциональном представлении значения, хотя и имеет аппарат для формализации того, что «имеет в виду» говорящий. (Более подробно об этом речь пойдет ниже.) В-третьих, данная теория использует реляционный подход к значению, то есть значение понимается в ней как отношение.

В том, чтобы раскрыть особенности применения реляционного подхода в ситуационной семантике, и состоит цель данной статьи. Последовательность изложения будет следующей: сначала введем основные понятия и обозначения, затем сформулируем концепцию значения как ограничения, которая является, на наш взгляд, ключевой для понимания данного варианта реляционного подхода, и в последних частях статьи рассмотрим применение этой концепции к значению отчетов о верах и содержанию самих вер в ситуационной семантике, а также специально к одному особенно трудному для анализа типу примеров, известному как загадка Фреге (вариант с собственными именами).

Ситуации, типы, схемы

Для понимания ситуационной семантики важно отметить, что Дж. Барвайз и Дж. Перри часто подчеркивают экологический аспект значения, рассматривая его как информацию, которая извлекается когнитивными агентами из окружающей среды, сохраняется в их психике, преобразуется при необходимости и в конечном счете используется ими для адаптации опять-таки к среде¹. Поэтому информация рассматривается в ситуационной семантике как истинная или ложная, доступная или недоступная, полезная или бесполезная не сама по себе, а относительно определенного контекста, определенных *ситуаций*. Понятие ситуации в ситуационной семантике является исходным, то есть не определяется. На интуитивном уровне его можно пояснить так: ситуация — это некоторая ограниченная совокупность обстоятельств, которая может быть принята во внимание абстрактным когнитивным агентом как законченное целое. Мы все время находимся в тех или иных ситуациях, оцениваем их верно или неверно, заставляем складываться одни ситуации и предотвращаем другие. Можно сказать, что ситуации являются единственным предметом наших ментальных установок. В этом смысле аналогом ситуаций в ситуационной семантике являются пропозиции или, точнее, совокупности пропозиций в классической пропозициональной семантике. Другим аналогом понятия ситуации является понятие мира, используемое в семантике возможных миров, с той лишь разницей, что мир — это неограниченная совокупность обстоятельств. Мир можно получить, если предположить, что границы ситуации потенциально бесконечно раздвигаются.

Ситуации обозначаются в ситуационной семантике маленькими латинскими буквами. Предусмотрены два способа формального описания ситуаций: как конечное множество кортежей вида

$$s := \left\{ \underbrace{\langle \langle r_1^n, a_1, \dots, a_n \rangle, 1 \rangle, \dots}_{k \text{ штук}}, \underbrace{\langle \langle r_1^m, a_1, \dots, a_m \rangle, 0 \rangle, \dots}_{j \text{ штук}} \right\},$$

¹ См. [1, 10–11, 15–16, 31, 42 etc.]. О том же Дж. Перри неоднократно говорит в других работах.

где k и j — целые числа, и в более интуитивной форме:

$$\begin{array}{l}
 s := r_1^n, a_1, \dots, a_n; \text{ да} \\
 \cdot \\
 \cdot \\
 \cdot \\
 r_1^m, a_1, \dots, a_m; \text{ нет} \\
 \cdot \\
 \cdot \\
 \cdot
 \end{array}$$

При этом первая форма записи предполагает, что k или j могут быть равны 0, но не оба вместе; вторая форма записи предполагает аналогично, что «да»-строки могут отсутствовать, «нет»-строки могут отсутствовать, но не те и другие вместе. Иначе говоря, описание ситуации не должно быть пустым.

Ситуации бывают реальными и абстрактными. Реальные ситуации — это фрагменты действительного мира, которые могут быть распознаны агентом как обладающие определенными внешними и внутренними характеристиками. Реальные ситуации метафизически и эпистемологически первичны по отношению к объектам, свойствам и отношениям, поскольку они являются ресурсом, из которого когнитивные агенты извлекают свои представления об этих, последних. В свою очередь, объекты, свойства и отношения первичны по отношению к абстрактным ситуациям, поскольку абстрактные ситуации — это лишь интеллектуальные конструкты, позволяющие распознавать и классифицировать реальные ситуации [1, 9, 58]. Важным отличием абстрактной ситуации от реальной является то, что абстрактная ситуация всегда частична. Неверно, что всякое утверждение относительно некоторой абстрактной ситуации является истинным или ложным; для некоторых из них значение истинности не определено. Это отражает факт, что одна и та же реальная ситуация может быть распознана различными агентами как различные абстрактные ситуации. Например, человек, не знающий значения слова «парта», не может распознать как имеющую место ни ситуацию, в которой некоторый данный стол является партией, ни ситуацию, в которой этот стол не является партией, ни даже ситуацию, в которой этот стол является или не является партией.

Почти настолько же общим, как понятие ситуации, является понятие *хода событий* (course of events). Так в ситуационной семантике обозначается один из видов ситуаций, а именно ситуация, локализованная в пространстве-времени². Способ описания хода событий — это описание ситуации, к которому добавлен параметр l , означающий пространственно-временное положение (в некой условной системе координат, которая считается данной):

$$\begin{array}{l}
 e := \text{в } l: r_1^n, a_1, \dots, a_n; \text{ да} \\
 \cdot \\
 \cdot
 \end{array}$$

² Более точно, «ход событий — это функция от локаций к типам ситуаций... Он [также] является частичным; ход событий может рассказать нам о том, что происходит в одной локации или в сотне, или даже в них всех, если предположить, что существует совокупность [всех] локаций» [1, 9].

r_1^m, a_1, \dots, a_m ; нет

.

.

В ситуационной семантике используются термины для обозначения различных пространственно-временных отношений и даже предусмотрен ряд операторов для описания некоторых специальных пространственно-временных отношений, таких как отношения перекрывания, предшествования и следования. Ниже мы будем использовать один из них. В общем, тут нет ничего сложного.

Кроме собственно ситуаций ситуационная семантика оперирует их *типами*. Говоря привычным языком, тип — это дескрипция, применяемая к ситуации для того, чтобы классифицировать ее. Типы ситуаций в ситуационной семантике обозначаются большими латинскими буквами. Понятию типа ситуации симметрично понятие типа хода событий, которое является одним из основных аналитических инструментов ситуационной семантики. Формально тип хода событий E описывается путем подстановки в описание хода событий e переменных, которые в ситуационной семантике называются *базовыми неизвестными* (basic indeterminates), вместо каких-то локаций l_i , и/или каких-то индивидов a_i , и/или каких-то отношений между индивидами r_i^3 . Обратим внимание на то, что количество неизвестных может быть и нулевым, то есть можно задать такой тип, описание которого будет полностью совпадать с описанием некоторого хода событий, только имя будет другим. Базовые неизвестные обозначаются латинскими буквами с точкой сверху: \dot{a} — неизвестный объект, \dot{r} — неизвестное отношение, \dot{l} — неизвестная локация. Иногда, чтобы выразить зависимость типа хода событий E от некоторой неизвестной \dot{x} , пишут $E(\dot{x})$.

Квантификация по неизвестным осуществляется в ситуационной семантике с помощью так называемого *якоря* (anchor). Якорем для данного типа хода событий $E (= E(\dot{a}, \dots, \dot{r}, \dots, \dot{l} \dots))$ называется частичная функция f , областью определения которой является набор неизвестных, встречающихся в описании E , а областью значения — объекты, отношения или локация тех типов, которые соответствуют типу неизвестных. Имея такую функцию, мы можем сконструировать новый тип хода событий путем замены каждой неизвестной \dot{x} в описании типа E значением функции $f(\dot{x})$. Полученный тип обозначается $E(f)$, а сама операция неформально называется *заякориванием* (anchoring) неизвестных.

Последним понятием, которое нам потребуется, будет понятие *схемы*. Схемой в ситуационной семантике называется множество вида

$$S = \{E_1, E_2, \dots, E_n\},$$

где каждый элемент E_i есть тип хода событий. Из данной дефиниции ясно, что схемы могут задаваться с использованием неизвестных, контекстных ролей, к ним могут применяться якоря и любые другие функции или операции, определенные

³ Барвайз и Перри почти нигде в книге не касаются операций с неизвестными отношениями, но вводят их в ситуационной семантике так сказать «на вырост», как и некоторые другие формализмы, повышающие выразительную мощность их семантики.

для типов. В целом в любой формализм на место типа хода событий может быть поставлена схема, и наоборот.

Значение как ограничение

Дж. Барвайз и Дж. Перри в своей книге несколько раз повторяют, что метатеорией для ситуационной семантики является реалистическая теория значения. С точки зрения этой теории значение укоренено в мире в систематических отношениях особого рода между различными типами ситуаций. Такие отношения или *ограничения* (constraints) — это то, что позволяет ситуациям одного типа нести информацию о ситуациях другого типа. В частности, лингвистическое значение — это ограничение, накладываемое на тип ресурсной ситуации (то есть абстрактной ситуации, фиксирующей, «о чем говорится») типом ситуации дискурса (то есть абстрактной ситуации, фиксирующей, «что и при каких обстоятельствах говорится») [1, 38]⁴. Если в ситуации дискурса произносится определенное выражение, то агент, знакомый с таким ограничением, может сделать вывод о том, что в ресурсной ситуации существует объект или объекты, удовлетворяющие определенному условию. Отсюда следует, что понятие ограничения является центральным в ситуационной семантике.

С точки зрения ситуационной семантики ограничения сами представляют собой ситуации, но ситуации специфической структуры: такие, которые фиксируют наличие определенного отношения, а именно отношения «предполагает» (involves), между другими ситуациями, а именно ситуациями нескольких — в парадигмальном случае двух — разных типов⁵. Формальное описание ограничения может выглядеть, например, так:

$$C := \text{в } l_u: E \text{ предполагает } E',$$

где l_u — глобальная локация (то есть весь пространственно-временной универсум), а E и E' — типы ходов событий, такие что

$$E := \text{в } \dot{t}: \text{ горит, } \dot{a}; \text{ да,}$$

$$E' := \text{в } \dot{t}: \text{ светится, } \dot{a}; \text{ да.}$$

Таким образом, ограничение C фиксирует ситуацию, имеющую место в нашем пространственно-временном универсуме и состоящую в том, что существование где-то в какой-то момент чего-то горящего предполагает, что эта вещь в том же месте в тот же момент светится⁶.

⁴ Точнее, в общем виде ограничения определяются не только типами ресурсных ситуаций, но и так называемыми связями говорящего (speaker's connections), однако существует множество высказываний, значение которых нечувствительно к изменению такой связи. Подробнее об этом см. ниже.

⁵ Строго говоря, можно рассматривать как ограничения, накладываемые на типы ситуаций, так и ограничения, накладываемые на единичные ситуации (токены), однако последние практически бесполезны для семантики, поскольку сам разговор о значениях возможен лишь тогда, когда имеет место регулярная связь между знаком и означаемым.

⁶ Само отношение «предполагает» не является на первый взгляд семантическим. Однако зачастую удобнее говорить об ограничениях как о пропозициях, фиксирующих наличие специфически семантического

Ограничения бывают локальными (действующими лишь в некоторой пространственно-временной области) и глобальными, условными (выраженными кондиционалом) и безусловными, конвенциональными и номическими и т. д. Ошибки в определении вида и области действия ограничения могут приводить к плачевным результатам, поэтому все мы в процессе эволюции приобрели чувствительность к подобным различиям, даже если никогда в себе эту чувствительность не осознавали. Особенно большую значимость для нас как социальных существ имеет один специфический вид ограничений — *индексированные ограничения*. Это такие ограничения, которые в описании типов ситуаций содержат контекстные роли. Вообще говоря, роль в ситуационной семантике определяется следующим образом:

1. Каждая базовая неизвестная есть неизвестная.

2. Если \dot{x} — неизвестная, E — тип хода событий, то $\langle \dot{x}, E \rangle$ есть неизвестная, которая называется ролью и обозначается \dot{x}_E .

Соответственно под контекстной ролью следует понимать такую роль, которая образует часть контекста какого-либо высказывания \dot{a} . Например, контекстная роль агента описывается так:

$$\dot{i} = \langle \dot{a}, D \rangle,$$

где

$$D := \text{в } \dot{i}: \text{ говорит, } \dot{a}; \text{ да}$$

произносит, \dot{a} , \dot{a} .

Для обозначения контекстной роли агента используется буква i с точкой сверху и в жирном начертании от английского «I» (я). Как нетрудно догадаться, роль адресата обозначается \dot{i} от «you» (ты), а роль локации высказывания — \dot{h} от «here» (здесь), хотя, строго говоря, она означает не просто «здесь», но «здесь и сейчас». Аналогично можно определить любые другие роли, которые могут быть полезны для анализа высказываний.

Пример ограничения с использованием контекстной роли агента — это ограничение, которое фиксирует ситуацию, имеющую место в некоторой данной локации l (для определенности скажем: на планете Земля) и состоящую в том, что если где-то в какой-то момент на меня едет грузовик, то я в этом месте в этот момент времени нахожусь в опасности. Формально это ограничение описывается следующим образом:

$$C := \text{в } l: E \text{ предполагает } E',$$

где

$$E := \text{в } \dot{l}: \text{ едет на, } \dot{a}, \dot{i}; \text{ да}$$

$$\text{грузовик, } \dot{a}; \text{ да,}$$

$$E' := \text{в } \dot{l}: \text{ в опасности, } \dot{i}; \text{ да.}$$

отношения «означает» между несколькими — в парадигмальном случае опять-таки двумя — разными типами объектов. Как показывают примеры Дж. Барвайза и Дж. Перри, такой способ выражения остается понятным даже при очень широком использовании.

Разумеется, подобное ограничение можно сформулировать и без использования контекстной роли. Так, не только обо мне, но и обо всяком человеке верно, что если на него едет грузовик, то он находится в опасности. Однако для меня это более широкое ограничение имеет существенно иной практический смысл, чем ограничение *C*. В частности, ограничение *C* диктует совершенно определенный образ действий при попадании в ситуацию с грузовиком: нужно как можно скорее отскочить в сторону с его пути. Что касается более широкого ограничения, оно не дает такой определенности, поскольку нужно еще разобраться, *на кого* едет грузовик. Если он едет не на меня, а на кого-то другого, то для меня отскакивать в сторону бессмысленно. Вместо этого можно, например, закричать тому человеку что-нибудь вроде «Эй, поберегись!».

Таким образом, индексированные ограничения позволяют более тонко дифференцировать те аспекты ситуации, которые являются практически значимыми для агента, и более точно предсказывать его поведение, чем неиндексированные ограничения. В этом состоит особая важность контекста при анализе ментального содержания, постоянно подчеркиваемая в книге Дж. Барвайза и Дж. Перри, а также в других работах Перри по семантике⁷. На наш взгляд, именно использование в ситуационной семантике концепции значения как ограничения позволяет адекватно учитывать не только контекст, но и понятийное содержание сознания, что делает ее пригодной для представления содержания таких состояний, как состояния веры, желания, надежды, опасения и тому подобные, которые в философии сознания принято называть интенциональными. Рассмотрим в общих чертах, как это делается.

Принципы семантики отчетов об интенциональных состояниях

Как подчеркивают Дж. Барвайз и Дж. Перри, для всех языковых выражений следует различать объектное или «внешнее» значение и ментальное или «внутреннее», под которым понимается, в частности, значение, которое эти выражения имеют, будучи встроенными в отчеты об интенциональных состояниях некоторого субъекта. Центральным принципом той семантической теории, которую они строят в своей книге, авторы делают *принцип приоритета внешнего значения*, согласно которому внешнее значение выражения, правильно понятое, адекватно объясняет его внутреннее значение [1, 42].

Если исходить из этого принципа, то наиболее трудной проблемой для семантики отчетов об интенциональных состояниях следует признать проблему подстановки тождественных — или, как ее часто называют, загадку Фреге — в ее оригинальной формулировке, использующей собственные имена. Именно этой проблеме посвящена наиболее объемная и технически сложная глава в книге

⁷ В частности, в его эссе «Проблема существенного индексикала» (The Problem of the Essential Indexical) и «Вера и принятие» (Belief and Acceptance) обосновывается несводимость контекстно-зависимых аспектов содержания вер агента к контекстно-независимому (пропозициональному) содержанию этих вер [4, 33–49, 53–64].

Дж. Барвайза и Дж. Перри. С их точки зрения, дело не в том, что (как считал Фреге) внутри таких отчетов референциальные термины отсылают не к объектам, как обычно, а к смыслам, и не в том, что (как считал Рассел) имена представляют собой скрытые дескрипции. Дело в том, что, когда мы используем отчеты, *чтобы объяснить или предсказать поведение агента*, в частности, его взаимодействие с лингвистической информацией о ком-то, кого мы называем именем *α*, мы описываем только такие веры агента об этой личности, в которых она схватывается понятием, полученным в связи с употреблением *α*, и которые агент будет применять к лингвистической информации, выраженной с помощью *α*. Мы игнорируем те веры агента об этом человеке, которые не используют *α* и не будут применяться к такой информации. Этим и объясняется тот факт, что интуитивно мы склонны приписывать отчетам о верах такие истинностные значения, при которых есть видимость того, что подстановка кореферентных имен с сохранением истинности невозможна. Ниже весь ход их объяснения будет воспроизведен, насколько возможно, подробно.

Начнем со следующего предварительного замечания: при рассмотрении подстановок в рамках ситуационной семантики нужно всегда помнить, что истинность должна сохраняться при переходе не между предложениями, а между высказываниями, сделанными в определенных ситуациях дискурса относительно определенных ресурсных ситуаций и при определенных связях говорящего (*speaker's connections*). На последних мы остановимся немного подробнее. Сам термин «*connection*» в ситуационной семантике вводится вне всякого касательства к отчетам об интенциональных состояниях, тем не менее кажется, что он означает приблизительно то же, что и понятие интенции в философском смысле — как направленности сознания на определенный объект или положение дел. Дж. Барвайз и Дж. Перри утверждают, что их концепция связи говорящего довольно точно отражена в обычном английском употреблении слова «*refers*» (указывает) [1, 38]. Представляется, что смысл в следующем: каждое употребление некоторого референциального термина *связано* с тем объектом, который подразумевается говорящим.

Самые иллюстративные случаи зависимости интерпретации от связи — это указательное употребление местоимений и референциальное употребление времени глагола, случаи, стандартное объяснение которых через дескрипции весьма неестественно. Скажем, если я, разговаривая с приятелем на вечеринке, произнесу фразу «Она была спортсменкой», чтобы правильно меня понять, ему не нужно будет формулировать дескрипцию типа «присутствующая среди гостей женщина», достаточно будет предположить, что местоимение «она» указывает на какую-то *конкретную* женщину, пусть даже он не знает какую. Это и значит, что интерпретация зависит от связи говорящего. В обычной ситуации общения такую связь, как правило, можно восстановить, проследив за взглядом говорящего или припомнив, о ком шла речь в предшествующем разговоре, однако здесь нет никаких универсальных критериев. Строго говоря, связь независима от контекста: я могу подразумевать кого угодно из женщин на вечеринке и даже из тех, которых там нет. Точно так же, употребляя прошедшую форму глагола «*быть*»,

я могу подразумевать любой конкретный промежуток времени, предшествующий моменту произнесения фразы⁸.

Распишем, как правильно формализуется значение указанной фразы в ситуационной семантике. Тип ситуации дискурса здесь может быть описан следующим образом:

$D :=$ в l_d ; говорит, a_d ; да

произносит, a_d , ОНА БЫЛА СПОРТСМЕНКОЙ, да.

Здесь l_d — конкретная локация дискурса, то есть определенная вечеринка, a_d — конкретный агент дискурса, то есть Анна Моисеева. Обратим внимание, что мы формулируем значение не для конкретной ситуации, а для типа, хотя и заданного без использования неизвестных и контекстных ролей.

Связь говорящего в общем случае описывается некоторой частичной функцией от референциально употребленных терминов к их референтам. В нашем примере связь должна быть такова, чтобы референтом местоимения «она» был объект, некоторый b , являющийся женщиной, а референтом глагола «была» — локация, некоторая l , предшествующая по времени l_d . При такой связи, если я говорю искренне и хорошо информирована, из моего высказывания можно узнать, что имеет место ресурсная ситуация e типа

$E :=$ в l : спортсменка, b ; да.

Этот тип и есть интерпретация данного высказывания. Если рассмотреть ограничение C , состоящее в том, что тип D предполагает тип E , то ясно, что знание C достаточно для того, чтобы получить интерпретацию моего высказывания. Таким образом, можно сказать, что ограничение C есть одна из возможных формулировок значения для данного случая. Другая используемая в ситуационной семантике формулировка, более явно представляющая зависимость между конкретной ситуацией дискурса, связью и интерпретацией высказывания, выглядит так:

d, c [[ОНА БЫЛА СПОРТСМЕНКОЙ]] e ,

если и только если

в d : в l_d ; женщина, b ; да,

в e : в l : спортсменка, b ; да,

$l \rightarrow l_d$

где $b = c$ (ОНА),

$l = c$ (БЫЛА).

Здесь знак \rightarrow означает предшествование во времени. Как можно видеть, в такой формулировке значение опять предстает в виде отношения, но отношения уже не между типами ситуаций, а между конкретными ситуациями при заданной связи.

⁸ В других работах Дж. Перри есть намеки на то, что связь может быть определена и для термина отношения, однако явных примеров подобного ее использования мы до сих пор не обнаружили.

Функция связи в ситуационной семантике является простой формализацией перехода от слов к объектам, осуществляемого при посредстве некоторых ментальных состояний говорящего. Однако ни учесть ментальные состояния какого-либо другого агента, ни проанализировать содержание этих ментальных состояний с помощью связи невозможно, поэтому для семантики отчетов об интенциональных состояниях создается более сложная формализация, включающая анализ понятий и содержательных связей между ними. Подготовка к такому анализу занимает в книге Дж. Барвайза и Дж. Перри значительную часть, в которой они, во-первых, описывают в терминах ситуаций и событий сущность *восприятия* на примере видения; во-вторых, объясняют в тех же терминах, что представляет собой *распознавание* воспринятого объекта как такого, с которым агент уже сталкивался ранее. Далее на этой основе они строят свое объяснение эффектов подстановки в контекстах отчетов об интенциональных состояниях, взяв в качестве парадигмального примера состояние веры. Следуя за ними, мы тоже в дальнейшем будем говорить лишь о состояниях веры, не касаясь желаний и прочих интенциональных состояний, поскольку представляется, что принципы, управляющие семантикой отчетов о них, те же, что и для семантики отчетов о верах. Для краткости мы пропустим описание видения и сразу перейдем к теории распознавания, а все представляющие трудность моменты будем разъяснять по ходу.

Распознавание с точки зрения ситуационной семантики является комплексным событием и затрагивает разнородные сущности (ментальные и «внешние») в разных локациях. Распознавание проходит три стадии:

- прямое или косвенное взаимодействие с объектом в прошлом, в результате чего формируется понятие этого объекта (*concept of the object*);
- сенсорное восприятие (видение) объекта в момент, непосредственно предшествующий распознаванию, в результате чего формируется перцептивный (визуальный) образ этого объекта;
- применение старого понятия к новому образу, в результате чего происходит формирование веры, что это образ того же самого объекта.

По поводу каждой из стадий требуются некоторые пояснения. Для начала: что значит для агента приобрести понятие определенного объекта? Из классической семантики более или менее известен один способ, которым объект может быть связан с понятием, а именно такой, когда понятие является понятием «об» объекте. Обычно так говорят по отношению к смыслам дескрипций либо имен, трактуемых как сокращенные дескрипции, и тогда это означает, что понятие просто правильно отображает свойства объекта, иначе говоря, объект *удовлетворяет* понятию. Здесь, очевидно, речь идет о каком-то другом, более непосредственном отношении, напоминающем отношение связи, о котором шла речь выше, но, в отличие от него, не лингвистическом, а сугубо психологическом. Понятие определенного объекта (*concept of certain object*), в том смысле, в котором Дж. Барвайз и Дж. Перри употребляют словосочетание, есть некая психическая сущность, которая, во-первых, испытывает каузальное воздействие этого объекта (то есть она появилась и/или модифицировалась в результате взаимодействия агента и объекта) и, во-вторых, служит для распознавания этого объекта и определения

тех способов поведения, которых агент может придерживаться по отношению к нему в различных обстоятельствах. Понятие приобретает вместе с теми или иными верами, включающими его, и основное его содержание составляют именно ссылки на множество вер, рассматриваемых агентом как веры «об» одном и том же объекте вне зависимости от того, существует ли в действительности этот объект и истинно ли эти веры отображают его свойства.

Семантические отношения между понятиями и объектами формально выражаются следующим образом: говорят, что упорядоченная пара $\langle \dot{x}, S(\dot{x}, \dots) \rangle$ представляет собой понятие объекта b в ситуации e_0 , если и только если

в e_0 : в l_0 : B_r, a, S ; да
заякорен* на, \dot{x}, b ; да⁹,

где B_r означает такое отношение между агентом a и схемой S , что a в e_0 имеет веры, описываемые типами в составе S . При этом в S могут входить неизвестные помимо \dot{x} , и не обязательно, чтобы все они были заякорены.

Далее, для каждого индивидуального объекта, понятие которого имеется у агента, определен некоторый набор *способов распознавания* (modes of recognition)¹⁰, различных по модальности (визуальное, аудиальное и т. д., а также номинальное — по вербальному обозначению — распознавание). На основе этих способов формируется специфический тип «распознавательных» ограничений, согласно которым всякая ситуация, когда некоторый объект удовлетворяет одному из способов распознавания, определенному для некоторого понятия, предполагает ситуацию, что воспринимается тот же самый объект, понятие которого определяет данный способ распознавания. Заметим, что, таким образом, не только значение языковых выражений, но и содержание понятий выражается в ситуационной семантике с помощью различных ограничений.

Поскольку мы решили не концентрироваться на описании восприятия, предположим, что у агента уже имеется понятие объекта, перцептивный образ и ограничение, согласно которому данное понятие должно быть применено к данному образу. Остается, собственно, применить его. Формально применение понятия $\langle \dot{x}, S' \rangle$ к образу $\langle i, S \rangle$ (образ описывается в ситуационной семантике полностью аналогично понятию) представляет собой такой ход событий e_1 , что

⁹ Словосочетанием «заякорен* на» мы здесь переводим предлог «of» за неимением его хорошего русскоязычного аналога. Мы считаем этот перевод оправданным, поскольку сами авторы книги в некоторых местах используют концепцию якорения для того, чтобы пояснить, что значит словосочетание «of the object» применительно к ментальной сущности. См., например, следующий пассаж: «Если веры, мысли и восприятия есть [веры, мысли и восприятия] *чего-то* (of anything), то эти сущности будут заякорены на (anchored to) более обширный мир определенными способами» [1, 230]. Во избежание путаницы в тех случаях, когда о якорении говорится в таком не совсем стандартном для ситуационной семантики смысле, мы будем отмечать это слово звездочкой.

¹⁰ Если мы уловили мысль авторов, способ распознавания в ситуационной семантике — это нечто более примитивное, чем способ представления (mode of presentation) в неопрегеанской и неорасселланской семантике пропозициональных установок. (О понятии способа представления см., например, [7, 171–206].) Ту же теоретическую роль, что и способ представления там, в данном случае, по-видимому, играет отчасти само понятие, а отчасти так называемый способ веры (см. ниже.)

в e_i : в l_i : $B, a, E^{\bar{}}$; да,

где $E^{\bar{}}$: = в \dot{h} : тот же самый, \dot{x}, \dot{i} , да.

Как было сказано выше, понятие существует не иначе как в контексте некоторых вер, поэтому последний шаг также называется у Дж. Барвайза и Дж. Перри *применением вер* (applying beliefs). Они утверждают: «Веры объясняют поведение только тогда, когда они применяются» [1, 251]. Это означает, в частности, что при анализе такой формы поведения, как рассуждение (т. е. при проверке его на рациональность, последовательность, непротиворечивость и т. д.), в некоторой ситуации мы можем учитывать только те веры, которые применимы в этой ситуации вне зависимости от того, реальная это ситуация или только мыслимая. Сформулированный тезис кажется настолько банальным, что о нем излишне говорить, но именно он, будучи правильно понятым, способен, по-видимому, дать такую семантику отчетов о верах, которая будет достаточно мощной, чтобы позволять делать на основе отчетов выводы о поведении агента в различных лингвистических и экстралингвистических обстоятельствах, и при этом достаточно точно согласующейся с практикой обыденного употребления отчетов, чтобы не противоречить нашей семантической интуиции. Ниже мы рассмотрим, как он понимается в ситуационной семантике и, в частности, как он используется там для разрешения некоторых проблем, связанных с подстановкой тождественных в отчеты о верах.

Разрешение загадки Фреге с именами

Разговор о проблемах с подстановкой тождественных в отчеты о верах невозможен без разговора о так называемых *de re* и *de dicto* отчетах, поэтому для начала следует пояснить, что такое собственно *de re* и *de dicto*. Философским основанием для различения *de re* и *de dicto* отчетов¹¹ является постулат о том, что некоторые мысли относятся к конкретным, реально существующим в пространстве и времени объектам. Высказывания, выражающие такие мысли, еще в средневековой схоластике стали называться высказываниями *de re*, а высказывания, выражающие мысли, относящиеся к сформированным с помощью абстракции классам объектов, получили название высказываний *de dicto*. Содержательное различие между *de re* и *de dicto* отчетами проще всего объяснить следующим образом. *De re* отчет можно представить как утверждение наличия у определенного объекта или набора объектов реляционного свойства быть таким-то и таким-то в системе вер определенного агента. *De dicto* отчет, напротив, утверждает, что агент верит в существование некоторого (не определенного) объекта или набора объектов, удовлетворяющих таким-то условиям, и в то, что этот объект или набор объектов обладают такими-то свойствами. Наиболее явный способ маркирования *de re* отчета — это синтаксическая форма, где выражение, означающее объект, вынесено в главное предложение. Как *de re* отчеты принято рассматривать все высказывания, где объект обозначается именем или индексикалом. Что касается

¹¹ Иногда о *de re* и *de dicto* говорят как о двух способах *интерпретации* отчетов, однако данное уточнение для наших задач нерелевантно.

высказываний с дескрипциями, многие из них можно рассматривать и как *de re* отчеты, и как *de dicto* отчеты.

По тому, как определяется *de re* отчет, ясно, что из него всегда можно вывести существование объекта, о котором агент имеет, согласно отчету, некоторую веру. Также из этого определения явствует, что подстановка одного выражения, обозначающего объект, вместо другого выражения, обозначающего тот же объект, не должна влиять на истинность отчета, иначе говоря, на *de re* отчеты должен распространяться принцип подстановочности тождественных, действующий в обычной экстенциональной семантике без модальностей. Между тем при попытке подстановки в них часто возникает проблема, которую в литературе принято называть загадкой Фреге. Дж. Барвайз и Дж. Перри иллюстрируют загадку Фреге вполне классическим примером¹². Начальные условия примера таковы: некий парень по имени Джонни довольно много знает о Цицероне, но не знает того факта, что Цицерон носил имя «Туллий». На экзамене по истории Джонни должен, среди прочих заданий, ответить, истинно или ложно предложение «Туллий был римским оратором». Но он не может дать ответ самостоятельно и пытается спросить другого студента о том, кто такой Туллий. Однако, как следует из принципа подстановочности тождественных, значение истинности предложения

ДЖОННИ ЗНАЕТ, ЧТО ЦИЦЕРОН БЫЛ РИМСКИМ ОРАТОРОМ

не должно измениться, если имя «Цицерон» заменить в нем именем «Туллий». Таким образом, если мы признаем данное предложение истинным и проведем замену, то получим предложение

ДЖОННИ ЗНАЕТ, ЧТО ТУЛЛИЙ БЫЛ РИМСКИМ ОРАТОРОМ,

которое тоже должно быть истинным. Но если это второе предложение истинно, то поведение Джонни кажется необъяснимым и иррациональным.

Чтобы справиться с этой проблемой, Дж. Барвайз и Дж. Перри используют свой подход к анализу содержания интенциональных состояний, базирующийся на принципе приоритета внешнего значения. Этот подход они поясняют так: «Мы описываем веры агента путем сравнения внешнего значения [схем, представляющих] его веры, с внешним значением придаточных предложений наших отчетов [об этих верах]» [1, 258]. Суть подхода в том, чтобы иметь два независимых метода интерпретации вер, один из которых предназначен для того, чтобы фиксировать ситуации, которые «имеет в виду» агент, именно в тех аспектах, в которых он сам эти ситуации схватывает, а другой — для того, чтобы фиксировать эти ситуации так, как он мог бы их схватить, если бы обладал знанием всех релевантных для их описания фактов.

Говоря более формально, для того, чтобы задать первую интерпретацию, нужно задать *способ веры* (way of believing), то есть пару из схемы веры и якоря для этой схемы при данных агенте и локации. Например, если старая вера Джонни

¹² Этот пример был использован в литературе по вопросу множество раз, изменялось лишь имя агента (см., например, [3, 40–41]).

формализуется некоторой схемой S_p , то способом веры будет пара $\langle S_p, f_1 \rangle$ такая, что якорь f_1 будет связывать понятие Цицерона, входящее в S_p , собственно с Цицероном. Знать способ веры означает знать, как определяется то множество ситуаций, с которым данный якорь связывает данную схему веры. Вторая же интерпретация — это собственно значение придаточного предложения отчета, произнесенного в определенной ситуации и при определенной связи говорящего, то есть опять же множество ситуаций, предполагаемых (involved) этим произнесением. Например, чтобы описать старую веру Джонни в ситуации d при связи c , нужно задать параметры такой ситуации e , что d, c [[ЦИЦЕРОН БЫЛ РИМСКИМ ОРАТОРОМ]] e . Результатом сопоставления двух этих интерпретаций является условие истинности любого отчета о вере в ситуационной семантике, будь он отчетом *de re* или *de dicto*.

Если отвлечься от содержательных объяснений, вся семантика *de re* отчетов о верах сводится у Дж. Барвайза и Дж. Перри к следующему:

(1) Упорядоченная пара $\langle S, f \rangle$ называется способом веры d, c [[ϕ]] для a, l при условии, что между интерпретацией S при данных a, l, f и интерпретацией d, c [[ϕ]] имеется сильное следование, то есть при условии, что

если a, l, f [[S]] e , то d, c [[ϕ]] e .

(2) d, c [[ВЕРИТ, ЧТО ϕ]] b, l, e_0 ,

е. т. е. существуют S и f такие, что

(i) $\langle S(\dot{x}), f \rangle$ есть способ веры d, c [[ϕ]] для агента a и $l = c$ (ВЕРИТ)

(ii) в e_0 : в l_0 : B, a, S ; да

заякорен* на, \dot{x}, b ; да.

Правило (1) связывает схему веры и якорь с предложением, выражающим веру, и контекстом его высказывания посредством ситуации, которая является интерпретацией и в первом, и во втором случае. Правило (2) утверждает, что *de re* отчет о вере является истинным тогда и только тогда, когда правило (1) выполняется для придаточного предложения отчета и некоторых схем и якоря, о которых известно, что схема представляет некоторую веру агента, а якорь, примененный к понятию, входящему в эту веру, дает правильный объект (тот, указание на который содержится в придаточном предложении отчета).

С точки зрения описанного подхода трудности Джонни объясняются очень просто. У него есть два понятия об одном и том же человеке: довольно содержательное понятие Цицерона и очень бедное понятие Туллия. Первое понятие может быть представлено как $\langle \dot{x}, S_1 \rangle$, где S_1 такова, что

в S_1 : в l : римский оратор, \dot{x} , да

именуется ЦИЦЕРОН, \dot{x} ; да.

Второе понятие может быть представлено как $\langle \dot{x}', S_2 \rangle$, где $S_2 = \{E, E'\}$ и

E := римский оратор, \dot{x}' , да

именуется ТУЛЛИЙ, \dot{x}' ; да,

E' := римский оратор, \dot{x}' , нет

именуется ТУЛЛИЙ, \dot{x} ; да¹³.

Все состояние Джонни описывается как некоторая ситуация e_0 такая, что

в e_0 : в l : V_r , Джонни, S_r ; да
 V_r , Джонни, E ; нет
 V_r , Джонни, E' ; нет
 V_r , Джонни, S_2 ; да
 заякорен* на, \dot{x} , b ; да
 заякорен* на, \dot{x}' , b ; да.

Ясно, что состояние, заданное с помощью этого описания, не изменится, если мы «подставим» в описание Туллия вместо Цицерона, поскольку и Туллий, и Цицерон в нашем описании попросту эквивалентны объекту b . Но мы не можем «подставить» *свойство* именоваться Туллием вместо свойства именоваться Цицероном, поскольку вера, которую мы представляем с помощью S_r , содержит понятие, которое сформировалось у Джонни в результате использования в тех источниках, откуда он черпал информацию, имени «Цицерон», но не «Туллий». Вследствие такого их формирования это понятие и эта вера применяются к объектам, удовлетворяющим способу номинального распознавания по слову «Цицерон», но не применяются к объектам, удовлетворяющим способу номинального распознавания по слову «Туллий». Данный факт важен для описания состояния Джонни и помогает объяснить его поведение. И наоборот, новая вера и новое понятие сформировались у Джонни в результате использования учителем именно имени «Туллий» и не стали бы применяться в ситуациях, где фигурирует только имя «Цицерон».

Но здесь остается еще одна существенная деталь. Как можно убедиться, применив правила (1) и (2) к случаю Джонни, e_0 одинаково правомерно описывается как предложением «Джонни верит, что Цицерон был римским оратором», так и предложением «Джонни верит, что Туллий был римским оратором». Между тем, как признают Дж. Барвайз и Дж. Перри, имеется сильная интуиция в пользу того, что последнее предложение описывает ситуацию, отличную от e_0 , и эта интуиция все еще остается необъясненной. Чтобы объяснить ее, авторы обращаются к анализу прагматики использования отчетов о верах. Они обращают внимание на то, что такие отчеты используются обычно в одной из двух различных функций: во-первых, в качестве свидетельства того, каков мир (так, если я сообщаю, что некоторый эпистемический агент, которого я считаю более или менее надежным источником информации, верит, что p , то я тем самым сообщаю, что считаю и себя владеющей более или менее надежным свидетельством того, что p); во-вторых, для объяснения поведения самого агента (так, если даже мне известно, что вера агента в то, что p , ложна, я могу сообщать о ней для того, чтобы вы поняли, почему агент

¹³ Здесь мы переводим «refer to, "Tully"» как «именуется ТУЛЛИЙ», чтобы избежать использования термина «референция», который потребовал бы дополнительных философских пояснений, поскольку такие пояснения едва ли можно сделать краткими.

ведет себя так, а не иначе). Так вот, как они утверждают, при использовании отчета о вере для объяснения поведения агента прагматическим принципом является

— для говорящего: не употреблять термины, описывающие или предлагающие неприменяемые агентом понятия, нерелевантные якоря или другие способы распознавания, не используемые адресатом высказывания;

— для адресата: предполагать, что говорящий ссылается на применяемые агентом понятия, релевантные якоря и другие способы распознавания, используемые агентом.

Этот принцип, который они сами называют грайсианским принципом А¹⁴, запрещает использовать предложение «Джонни верит, что Туллий был римским оратором» для описания ситуации e_0 .

По сути, посредством грайсианского принципа А в ситуационной семантике реализована та же объяснительная стратегия, которую используют неорасселианцы¹⁵. Сохранение экстернализма и композициональности значения отчета достигается посредством того, что эффекты подстановки объявляются не семантическими, а сугубо прагматическими. Однако у ситуационной семантики имеется существенное преимущество перед неорасселианством, состоящее в том, что прагматика использования отчетов о верах не просто постулируется, но согласуется с теорией лингвистического поведения самого агента и получает таким образом исчерпывающее объяснение¹⁶.

В итоге нашего обзора можно сделать заключение, что ситуационная семантика представляет собой вполне самостоятельную и цельную теорию, в которой есть возможности для формализации и анализа высказываний с разнообразными модальностями, второпорядковых высказываний, высказываний с кондиционалами и т. д. Однако подобные возможности присутствуют и в некоторых других семантиках, в той же центрированной семантике возможных миров. Чем же отличается эта семантика от прочих?

На наш взгляд, по-настоящему новым и ценным в ситуационной семантике является не то, что она разрешает какой-то особый круг проблем, а именно то, как в ней реализуется реляционный подход к значению. Изначальная установка на то, чтобы рассматривать значение как отношение между типами ситуаций дискурса и типами ресурсных ситуаций, то есть сущностями одного и того же рода, позволяет варьировать параметры членов этого отношения любыми способами, которые

¹⁴ Потому что в ситуационной семантике существуют также грайсианские принципы В, С и D.

¹⁵ См., например, [5].

¹⁶ Другим примечательным преимуществом ситуационной семантики является правило (1), которое представляет в явном виде условия, при которых некоторая пара из схемы и якоря может быть способом веры в то, что выражается придаточным предложением отчета. У неорасселианцев соответствующего правила нет. Предполагается лишь, что имеется какое-то правило, связывающее способ представления (mode of presentation) или маску (guise) пропозиции с самой пропозицией, обозначаемой придаточным предложением. Помимо прочего, наличие такого правила позволяет разрешить модифицированный вариант загадки Фреге, так называемую итерированную загадку, с которой не может справиться неорасселианская теория (обсуждение этой загадки см. в [6, 8]).

могу оказаться полезными для анализа. Проще говоря, мы можем выразить в ситуационной семантике все виды лингвистической информации, а не только то значение, которое соответствует пропозициональному содержанию высказывания в классической условие-истинностной семантике и семантиках, построенных на ее основе. Одним и тем же способом мы можем выразить информацию о внешнем мире, о внутренних состояниях когнитивных агентов, действующих в этом мире и воспринимающих его, и о самом языке, отображающем то и другое. Эта замечательная универсальность выразительных средств ситуационной семантики дает возможность выходить на проблемы не только философии языка и лингвистики, но и эпистемологии, когнитивистики и философии сознания, создавая теоретический каркас для широкого междисциплинарного взаимодействия, потребность в котором в настоящее время ощущается особенно остро.

-
1. *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes. Cambridge ; L., 1983.
 2. *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes // The Journal of Philosophy. Vol. 78, № 11 : Seventy-Eighth Annual Meeting of the American Philosophical Association Eastern Division. 1981. P. 668–691.
 3. *Crimmins M.* Talk about Beliefs. Cambridge, 1992.
 4. *Perry J.* The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. N. Y. ; Oxford, 1993.
 5. *Salmon N.U.* Frege's Puzzle. Cambridge, 1986.
 6. *Salmon N.U.* Illogical Belief // Philosophical Perspectives. 1989. Vol. 3 : Philosophy of Mind and Action Theory. P. 243–285.
 7. *Schiffer S.* The Basis of Reference // Erkenntnis. 1978. № 13. P. 171–206.
 8. *Schiffer S.* The 'Fido'-Fido Theory of Belief // Philosophical Perspectives. 1987. Vol. 1 : Metaphysics. P. 455–480.

Рукопись поступила в редакцию 1 октября 2018 г.